

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

16+

КУКУШКА

НА

СУКУ

СЕРГЕЙ

SKOLORUSSOV

Сергей Skolorussov
Кукушка на суку.
Акт четвёртый

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63604532

SelfPub; 2020

Аннотация

Что кукушка загадала на последнее «ку-ку»? Скоро всё разрешится. Финальная часть книги.

Содержание

Жизненные полосы	4
Эпизод тридцать восьмой	5
Призраки острова	5
Эпизод тридцать девятый	16
Обнажение душ	16
Эпизод сороковой	32
Аленький цветочек	32
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Skolorussov
Кукушка на суку.
АКТ четвёртый

Жизненные полосы

Не верьте предсказателям.

Самый лучший предсказатель –

Кукушка в часах.

Эпизод тридцать восьмой

Призраки острова

Как говорила подруга моей матери, очень беспардонная тётка: «Только захочешь разбогатеть, то сахар кончится, то труссы порвутся». Вот и нас с Виолой продолжала преследовать череда беспросветно-чёрных полос. Что ни делай, как ни крутись – до белой полосы никак не удаётся добраться. Вырвались из пустыни – попали в лагерь. Удрали из лагеря – опять шлёпнулись. Причём не просто шлёпнулись. Вляпались в остров, который хочется назвать Чёрной дырой. Такое создаётся ощущение, что мы попали в орбиту чего-то страшного. И это страшное нас никуда уже не выпустит. Ни за что и никогда.

Я всё время проводил на рыбалке. В поисках хорошего клёва мне пришлось излазить все берега острова. Абсолютно все. Казалось, здесь меня уже ничего напугать не может. Но выяснилось, что всё это не так. Совсем не так. Портупея с пистолетом всегда была при мне. Я не расставался с оружием ни на минуту. И дело не в том, что приходилось опасаться лихих людишек, которые могли заявиться со стороны моря. Нет, не в том. Опасность присутствовала здесь, на суше. На острове определённо кто-то был. Был тот, кто частенько сле-

дил за мной. Я буквально чувствовал пристальное внимание чужих глаз и явственно слышал хруст ломающегося тростника. Ничего-ничего, я тебя когда-нибудь поймаю. Так надоела эта уха! Я насажу тебя на палку и буду её крутить весь день над углями. Говорят, что мясо кабана не такое жирное, как у домашней свиньи, но по вкусу оно на порядок выше. Вот и узнаем так ли это. Давай, родной, давай! Руки чешутся оставить дырку от пули в твоём бронированном лбу.

В этот раз я рыбачил на другом конце острова. Берега здесь были более обрывистыми, а море сразу же начиналось с глубины. Поэтому рыба подходила к берегу очень близко. Клёв был в полном разгаре, когда я вновь услышал шуршание тростника. Через некоторое время ещё и ещё. Судя по звукам, кабан находился совсем рядом. Я не выдержал, выхватил пистолет и осторожно вошёл в густые заросли. Но он явно меня почуял и рванулся в обратном направлении. Стой, гад, не уйдёшь. Ломая тростник, я бросился в погоню. В какой-то момент мне показалось, что ещё пара шагов и я увижу его жирную задницу. Но случилась незадача. Я споткнулся и с размаху шлёпнулся. Чёрт! Никак не ожидал, что под ногами окажется какая-то хрень. Что за фигня? Из земли торчал изъеденный временем конец бревна. Вот зараза, надо же было дереву здесь вырасти, а затем сгнить. Но за этим бревном виднелось ещё точно такое же, ещё и ещё. Это был ряд брёвен, вкопанных в землю через равные промежутки. Я пошёл вдоль этой вереницы вбитых в землю деревянных свай,

совершенно озадаченный их предназначением. Наконец до меня стало доходить, для чего они здесь торчат. Чтоб проверить свою догадку, я сделал пару шагов в сторону. Ничего. Тогда повторил попытку в противоположном направлении. И точно: параллельно первой веренице вглубь острова тянулась вторая. Сомнений не осталось – когда-то здесь был настил, по которому к морю ходили люди. Следуя вдоль острова сгнившего деревянного тротуара, я вышел на берег и увидел, что сваи уходят в море. В воде с трудом можно было различить то, что от них осталось. Значит, к острову приставали лодки. Глубина моря в этом месте позволяла причаливать даже крупным катерам. Интересно, что здесь было? Возможно, на острове в советское время был филиал рыбсовхоза. Всё может быть. В таком случае, эта дорожка должна вести от моря к каким-нибудь сооружениям. Я двинулся вглубь острова в надежде найти на развалинах филиала что-нибудь стоящее. В настоящее время даже ржавый гвоздь представлял для меня несомненную ценность. Фантазии тут же нарисовали забытые рваные сети – ничего страшного, заштопаем, сломанный нож – приспособим, ржавую лопату без черенка – насадим, треснутый топор – наладим, и тому подобные вещи, представляющие для меня большее сокровище, чем клад для Али-Бабы.

Продираясь сквозь тростник вдоль сгнившего настила, я наткнулся ещё на одну находку. Это была большая вывеска на двух мощных опорах. Современный человек мог бы на-

звать её билбордом. На полуистлевшем листе железа всё ещё просматривались буквы. Правда, их осталось совсем немного. В окончании самой крупной строки читалось: «...орий». Орий? Орий..., орий. Санаторий, что ли? Да ладно, какой тут может быть санаторий? А, понял, здесь был профилакторий какого-нибудь рыболовецкого предприятия. Наверняка, кто-то облюбывал этот остров, завёз сюда вагончики, поставил уличный туалет и умывальники. Вот вам и профилакторий готов. Точно! Сюда на выходные выезжали рыбаки с семьями. Здесь звучала музыка, был слышен детский гомон, удары по мячу и крики: гол! А теперь на острове живём только мы с Виолой, да этот хитрый кабанидзе, которого мне никак не удаётся увидеть. Ничего, я тебя поймаю! В самом низу щита можно было прочесть ещё несколько букв: «В..д зап...» Вход запрещён? Ну да, это же частная территория. Хотя в советское время частных территорий не было, но заборов и запрещающих надписей было не меньше. По крайней мере, так утверждают сейчас. Меня это предупреждение вовсе не напрягло. Что там может быть опасного? Да и об этом ли говорят еле видимые буквы. Может, это «запасной вход» или ещё что-либо совсем теперь непонятное. Я осмотрел состояние щита. Нет, не пригодится. От листа железа осталась одна труха. Даже гвозди, которыми щит был прибит к столбам легко рассыпались в руках. Жаль, любой гвоздик мог усилить острие моего боевого копья. Двинувшись дальше, я забубнил под нос песенку, которую во время

кухонных посиделок иногда исполнял отец:

Мне сказали люди: в старом замке

Одинок злой колдун живёт.

Всех влюблённых он свечным огарком

Неотступно манит и влечёт.

В поисках любимой, в поисках далёкой

Я бродил сюда по вечерам.

Где же друг мой милый?

Где же взгляд твой нежный?

Я бродил...

Здесь и там...

По болотам...

И лесам...

По болотам...

И лесам...

На здание я наткнулся совсем неожиданно. Оно пряталось за деревьями и кустами, которые сто лет никто не подстригал. Это было большое каменное двухэтажное здание с деревянным крыльцом. Не «старый замок» конечно, но всё же наличие капитального жилья на острове меня крайне заинтриговало. Толстые доски ступенек закрипели, захрустели, но выдержали моё исхудавшее тело. Ржавые петли заставили приложить значительное усилие для открывания двери. Дом начинался с небольшого вестибюля, в котором стояло два старомодных деревянных стола, подобных тем, что я видел в советских фильмах про больницы. Далее за остеклёнными

ми створками дверей начинался коридор. Я в нерешительности остановился – было тихо, только пересохшие от времени половицы скрипели под моими ногами, но всё равно было жутко. Кругом древние наслоения пыли, огромные полотна паутины и пустота, как будто все обитатели «замка» неожиданно вымерли и испарились. Колдовство? Любопытство взяло верх. Я медленно двинулся по коридору, заглядывая в боковые двери. За ними были комнаты на два или четыре человека. О численности проживающих можно было судить по количеству коек. Кровати были железными с панцирной сеткой. На большинстве из них лежали матрасы и подушки, одетые в пожелтевшее от времени постельное бельё. Некоторые койки были аккуратно застелены. Но всё говорило о том, что люди покидали помещения в спешке: дверцы тумбочек открыты и зияли пустотой, кое-где валялись поношенные тапочки, носовые платки и носки. На одной тумбочке лежала открытая книга и очки. Я взял её в руки и прочитал название: «Как закалялась сталь». Господи, нашли что читать. Фу! Мне надоело бродить по звенящим одиночеством помещениям, и я вышел на улицу. Интересно, здесь обитало немало людей. Значит, должна быть и столовая. Не плохо бы разжиться какой-нибудь посудой. Я двинулся дальше, раздумывая, что сулит мне эта находка. Это сейчас всё выглядит зловеще и убого, но, если прибраться в одной из комнат, то в ней вполне можно жить. Нет, не сейчас. Сейчас тепло и можно ночевать в шалаше на берегу мо-

ря. Не можно, а нужно. Только с берега виден проплывающий мимо катер, лодка или теплоход. А здесь моря не видно – значит не будет видно и нас. Шансы на спасение, если жить в этом брошенном здании, гораздо ниже. Но, с другой стороны, не хотелось бы, конечно, предполагать худшее, зимовать в шалаше не получится. В доме же совсем другое дело. Я остановился возле следующего жилища. Оно было одноэтажным. Кто-нибудь назовёт его бунгало, но я бы сказал, что это жилой щитовой домик на одну семью. Вероятно, здесь жил какой-то персонал. Дом начинался с открытой веранды, на которой стоял покосившийся круглый стол. Его поверхность была вздутой и шершавой. Ну кто же оставляет мебель на открытом воздухе? Теперь ей место только в костре. За остеклённой входной дверью висели плотные шторы. Ого! Когда-то они явно выглядели вполне прилично. Не думаю, что рачительная хозяйка оставила бы их просто так. Видимо, эвакуация была стремительной. Иначе не объяснишь такую забывчивость. Но внутри ничто не говорило о том, что жилище оставлено в спешке. В небольшом холле стоял комод и журнальный столик с двумя креслами. Все стены были увешаны книжными полками, но на одной из стен имелись ходики с опущенной вниз гирей. Под потолком висела вполне приличная люстра на три лампы. Значит, в этом посёлке было и электричество. Интересно, дизель-генератор его вырабатывал или что? Сомневаюсь, чтобы сюда по дну моря протянули кабель. Дизель-генератор обойдётся

гораздо дешевле. Вот бы его тоже здесь бросили! Я мысленно представил этот генератор, большую ёмкость, типа цистерны, полную горючего и мои попытки его завести. Ай, ну, где ты? Где? Вот заживём с генератором! Никогда бы не подумал, что когда-нибудь буду мечтать о генераторе. Да что там о генераторе? О простом гвозде. Да, Лемешев, мечты бывают разными. Увлечённый грёзами я прошёл в маленький коридорчик, откуда попал в большую комнату. Видимо эта была гостиная. По крайней мере двойные двери в России всегда делают при входе именно в подобные помещения. Ого! Здесь даже диван! На стенах висели фотографии в рамках. Но они были явно не семейными. Скорее всего, портреты каких-то писателей или учёных. Интересно. На полу лежал большой персидский ковёр. Ещё один закрывал стену. Мой взгляд остановился на кресле качалке. Сердце гулко заколотилось в груди. Я понял, что в кресле кто-то сидит. Не просто сидит, а ещё и читает при этом. Уголок книги торчал из-за плеча сидящего. Это женщина. Шаль покрывала её голову и спускалась вниз по сторонам кресла. Именно из-за неё я сразу не понял, что в кресле человек. Я принял шаль за обычный халат или другую одежду, оставленную на спинке кресла. Переведя дыхание, я хрипло произнёс:

– Извините за вторжение...

Женщина не отреагировала.

– Я не ожидал, что кто-то здесь живёт.

Опять тишина. Уснула, наверное. Я громко покашлял и

прислушался. Было тихо до звона в ушах. Мистика какая-то. Да что это? Я потопал ногами. Ноль реакции. В конце концов, не вытерпел и решил потрогать её за плечо. Пусть испугается, но меня зачем пугать? Не могу же я просто так взять и уйти. Пусть расскажет, кто она такая и чем здесь занимается.

– Уважаемая... – произнёс я и потянулся к её плечу.

Но тут же отдернул руку и совершил невероятный прыжок в сторону дверей. Я бежал до самого берега моря, не разбирая дороги и ничего не видя перед собой. «Господи, господи, господи...» – непрерывно звучало в моей голове. Кроме того, я то и дело плевал через левое плечо: – «Тьфу-тьфу-тьфу. Тьфу-тьфу-тьфу. Тьфу-тьфу-тьфу».

Меня трудно испугать, но тут я испугался не на шутку. Сердце ушло в пятки, а давление при этом больно било в затылок. На столе перед женщиной стояло небольшое зеркало. Протянув руку к её плечу, я увидел в этом зеркале отражение головы, сидящего в кресле человека. Вместо глаз на меня смотрели пустые глазницы. Вместо губ, улыбались пожелтевшие зубы, вместо носа – жуткие дыры. Это был череп мертвеца.

На берегу, я присел у воды и долго умывался, стараясь отмыть любую пылинку, которая могла ко мне приклеиться в этом страшном месте. Вот и не верь после этого в призраков, чертей и прочую мерзость. Ходячие мертвецы. Нет, не мертвецы — зомби. Почему самолёты не летают и кораблей не видно? Всё просто – зомби захватили весь мир. А те-

перь они проникли и сюда. Я почти поверил в эту дурацкую мысль. Но всё же набрался благоразумия и убедил себя, что версия о зомби никуда не годится – слишком давно никто не посещал эти дома. Лет двадцать, а, возможно, и гораздо больше. То есть, люди отсюда исчезли тогда, когда я только-только родился, или даже ещё не был в проекте. Но почему? Почему это место было покинуто в такой спешке? Что заставило обитателей странного посёлка покинуть насиженные места? До такой степени быстро покинуть, что даже группы остались сидеть в кресле. Ужас какой-то. Я долго не мог прийти в себя. Первой мыслью было пойти к Виоле и уговорить её предпринять ещё одну попытку переплыть пролив. Но, чёрт возьми, это не лучший вариант. Он грозит смертью. А оставаться здесь – это как? Да, никак. Живём же мы здесь уже целый месяц. И ничего. Никакие скелеты и бродячие мертвецы к нашему шалашу не навещают. А это значит, что можно и дальше жить как прежде, моля судьбу о милости. Должно же к нам прийти избавление. Если человечество живо, оно не может столь долго не напоминать о себе. Просто до этого времени нам не везло. Но вдруг завтра проснёмся, а к берегу подплывает катер. Или зависает вертолёт. Вывод: я ничего не видел, ничего не слышал, ничего не знаю, ничего никому не скажу. Виоле нельзя такое даже в шутку говорить. Она девушка впечатлительная, и её реакция непредсказуема.

Уговорив себя и успокоив, я постарался забыть увиден-

ное. Но оно нет-нет, да всплывало перед глазами, холодя душу и вызывая какую-то странную тоскливую, сладко-томящую тревогу.

Эпизод тридцать девятый

Обнажение душ

Отношения с Ви за это время не изменились. Мы с ней продолжали не обращать друг на друга никакого внимания. Первый разговор возник через пять дней после моего путешествия к дому мертвеца. В этот день всё было не так, как всегда.

В последнее время на крючок попадалось слишком мало рыбы. Из-за этого я снова решился пойти на другой конец острова, где клёв был несравненно лучше. Мертвецы мертвецами, но живому человеку кушать хочется всегда. Хотя до заводи, где когда-то была пристань, я так и не дошёл. По пути туда надо было обойти один из мелких заливчиков, где сроду никто не клевал. Ещё на подходе к нему послышался шум. Кто-то нагло и громко плескался. Сначала я подумал про зомби. Но сразу с позором выгнал эту мысль из головы. Затем – про Виолу. Но зачем ей в камышах плескаться? У нас отличный пляж. Да и спала она, когда я уходил. Тогда кто? Вот точно, бьюсь об заклад, этот хитрый и осторожный боров решил побарахтаться на мелководье! Мысль о кабане приятно разлилась по телу. Эх! Жаркого бы сейчас! Или плов! Какой плов? Риса нет. Хорошо, сделаю вертел и на ко-

стре его зажарю. Обожрёмся... Я по своей неопытности не принимал во внимание тот очевидный факт, что дикий кабан – это опасный соперник даже для бывалого охотника. Уж больно хотелось мяса. Какой тут страх? Только азарт и ничего больше. Осторожно подкравшись к кромке воды, я выглянул из зарослей камыша. На небольшой отмели из воды торчал спинной гребень здоровенной рыбины. Да не простой какой-то там воблы или сома. Это осётр! А возможно даже белуга! Блин! Такая рыбёха не хуже кабана! Обитатель водных просторов чуть затих, а затем снова стал активно извиваться, выбивая со дна муть и песок. Ого, чуть ли не с меня ростом! Я взял в руки боевое копьё и потихоньку двинулся вперёд. Но рыба меня почуяла и рванула в сторону моря. Здесь было мелко, как в луже. Как говорят: воробью по колено. Я скачками, разбрызгивая воду, ринулся наперерез. Азарт начинающего охотника подвёл меня. Слишком стараюсь догнать добычу, я споткнулся и полетел головой вперёд. Извините за каламбур, но такая позорная незадача, как ни странно, обеспечила мне удачу. Чтобы не налететь во время приводнения на острое копьё, я вытянул руки вперёд. Мне повезло, я наделал много брызг, но не поранился, чего не скажешь об осетре. Видимо у него тоже была чёрная полоса жизни. Не лучше нашей. Даже хуже. Острый конец копья воткнулся прямо в рыбий глаз. Будешь тысячу раз пытаться такое повторить – ни за что не получится. Осётр оказался и на самом деле огромным: килограммов тридцать, не мень-

ше. Минут пять я висел на палке, воткнутой в его глаз, пока краснокнижный красавец не затих совсем. Так я стал браконьером. Счастливым браконьером.

С таким богатым уловом ноги сами собой несут рыбака домой. Но сказать, что мои ноги «несли» можно только с большой натяжкой. Сначала я попытался взвалить добычу на плечо. Куда там! Осётр был слишком тяжёлым и скользким. Затем тащил его за жабры по песку и тоже быстро выбился из сил. В конце концов я понял, что только привычная для рыбы среда обитания способна мне помочь. Для этого пришлось копьём сделать дырку в хвосте рыбы, затем просунуть через неё шнурок кроссовки и завязать. Взявшись за этот верёвочный узел, я легко и просто потащил свой улов по прибрежной водичке. На душе было радостно, меня распирала гордость. Байки о такой удаче рыбаки рассказывают в мельчайших подробностях всю последующую жизнь.

Виола, пока мужчина ходил за добычей, занималась привычным для современной женщины делом. Она загорала. Загорала абсолютно голой, лёжа животом на горячем песке. Девушка явно не ожидала, что сегодня я вернусь так рано. Тем не менее, она не попыталась прикрыться или накинуть хоть что-то. Совсем оборзела!

– Я вернулся.

Ви не пошевелилась.

– Ты не слышишь? Я вернулся.

Она вскочила и стала прыгать передо мной:

– Ура, ура! Добытчик вернулся! Ты этого хочешь? Такой реакции? – это такой женский приёмчик, чтобы поиграть на нервах. Но, увидев осетра, она сразу осеклась: – Ух, ты! Это кто?

– Осётр.

– У-у-у! Здорово.

– Здорово-то здорово. Но тебе не мешало бы одеться.

Она присела возле рыбы, осторожно трогая её пальчиком:

– И что ты будешь из него делать?

– Оденься сначала, затем скажу.

– Зачем мне одеваться? Никого же нет?

– А я не человек? Не мужчина?

– Вот чего не знаю – того не знаю. Мне кажется ты амёба, туфелька, инфузория бесполоая.

– Только не надо меня оскорблять. Я этого не заслужил.

– А чего ты хотел? Чтобы я в рот тебе заглядывала, лоя каждое слово? Я согласна так делать, если ты докажешь, что ты мужик.

– Чего тут доказывать? Смотри какую добычу в дом принёс.

– В таком случае жри её сам. Ведёшь себя, как баба. Ой, какая баба? Как мужик в юбке. Ты вообще никто. Пустое место.

Она снова развалилась на песке. Я плюнул на её бесстыжий вид и стал готовить рыбу. Осётр оказался самцом. Жаль, была надежда, что в животе у рыбы икра, а не молоки. Голова

и хвост пошли на уху, остальная часть рыбного деликатеса отправилась жариться на углях. Вскоре обалденный аромат пропитал всю округу. Ви непрерывно бросала на меня косые голодные взгляды.

Когда осетрина прожарилась, я стал её есть, демонстративно причмокивая и облизывая жирные пальцы:

– Ой, какая вкусняшка. Даже в лучших ресторанах не подают ничего подобного.

Она не выдержала и постаралась испортить мне аппетит своей словесной язвой:

– Ты был в лучших ресторанах?

– Представь себе.

– В Макдональдсе или в KFS? И какой из них тебе больше нравится?

– А! Ничего у тебя не выйдет. Я сытый, потому и добрый. Меня ничем не прошибёшь. А фаст-фуд я не люблю. Поэтому не хожу в твои любимые забегаловки.

– Ну, скажи, скажи куда ты ходишь? Могу представить, что это. А поняла – чебуречная. Или как там у вас в Питере: французская кухня от Шамшира – шаурма.

– Не знаю о чём ты, но осетрина просто объедение.

– У-у-у, – рыкнула она. – Вот ведь, скотина. Ладно, дай кусочек.

– Сначала оденься. Или в твоих ресторанах все голыми ходят? А, понял: твой рестик для голодранцев. Для голожопиков, – я засмеялся, пытаюсь зацепить этим девушку. – И

называется твой любимый ресторан: «Bare ass» – «Голая задница». Или даже так: «Бар Ass» – «Бар Задница».

– Сейчас получишь.

– Хорошо-хорошо, не буду больше издеваться. Но только в том случае, если ты оденешься.

Она встала и стала демонстративно надевать трусики, грациозно прогибая спинку и вытягивая ножки:

– Так достаточно?

– Нет.

– Сейчас во всём мире на пляжах девушки топлес ходят.

Мы же на пляже.

– Но во всём мире топлес в рестораны не пускают. А ты сейчас в ресторане.

– Вот, нудила. Достал святошу из себя строить.

Тем не менее, она оделась.

– Держи, – я протянул Виоле большой кусок.

Осетрину можно употреблять без перца и без соли. В любом случае язык проглотишь. Мы налопались практически до икоты. Жиром были измазаны руки, лицо и одежда.

– Вот чего ты добился? Теперь вся одежда в жире. А так бы искупалась и всё. Теперь эти пятна уже не отстирать.

– Твой гламурный наряд нет никакого смысла отстирывать. Ему давно пора в топку.

– Ой! А твоим этим жутким штанам и рванной-прерванной ветровке, где место? О, правильно! А давай всё сожжём и будем жить, как обыкновенные дикари.

Дельные предложения из неё так и прут.

– Даже дикари набедренные повязки носили.

– Ладно, уговорил. И мы будем. Из травы и лопуха сделаем.

Она облизнула пальцы и снова скинула верхнюю одежду, а затем вихля бёдрами стряхнула трусики:

– Давай! Теперь твой черёд.

– Я и не собирался.

Она подошла вплотную:

– Вот ведь врешь. Врешь! Хочешь ведь меня. Я по взгляду вижу.

– Сколько раз говорить: я не люблю тебя. Не люблю. Зачем ты опять начинаешь?

Неожиданно она ухватила за моё причинное место:

– Ого! Правду говорили, что ты герой-любовник. Такой большой!

Я схватил за ладонь девушки и вынужден был приложить силу, чтобы оторвать её от моего... э-э-э, паха.

– Вот ведь какой. Сильный. Учти, врачи говорят: терпеть вредно. Это плохо сказывается на здоровье мужчин.

– Я и не терплю. Меня это не беспокоит.

Почувствовав, что я только обороняюсь, она вновь попробовала перейти в атаку:

– Тебя не мучают эротические сны?

Вопрос, словно из анекдота. Поэтому мой ответ прозвучал, как по писаному:

– Нет, не мучают. Я от них тащусь.

– Ведь здоровый мужик. Зачем ты мучаешь себя и меня? Разве так можно? Идиотизм какой-то.

– Виола, родная, я люблю другую. Ты можешь это понять? Или у тебя сексуальная пелена застилает глаза, уши и мозг?

– Тогда почему он наизготовку? Значит, хочешь.

– Я же не импотент. Это инстинкт. Обычная природная реакция.

– Хорошая реакция. Я бы даже сказала: хорошая эрекция. Сейчас посмотрим, как она заработает по-настоящему, – девушка резким движением постаралась сдёрнуть с меня штаны.

Но я перехватил её руки и отвёл их от себя.

– Сильный. Пользуешься тем, что ты сильный.

– Господи, всё вверх тормашками. Вот если бы я, используя свою силу, насильно тебя, тогда эти слова звучали бы нормально.

– А то, что я так унижаюсь – это нормально?

На её глазах выступили слёзы. Она сделала шаг в сторону и отвернулась.

– Виола, – я положил руку на её плечо, – мы так хорошо жили. Что случилось? Чего ты так ни с того, ни с сего завелась?

– С чего? С чего завелась? – вспыхнула девушка. – Я здесь свихнусь от одиночества. Представь только мою жизнь. Проснулась и нечем заняться. Только мысли, мысли, мысли

– и ничего больше! И так каждый божий день. Ты хоть на рыбалку ходишь, а мне что прикажешь делать?

– Ходи со мной.

– А там я что буду делать? Сидеть и смотреть на тебя? Какая разница, где сходить с ума. Я больше не могу. Меня всё бесит. Я не могу жить. Не могу смотреть на море – так как там не плывут корабли. Не могу смотреть на небо – там нет самолётов. Не могу смотреть на тебя – потому что ты меня не любишь. Я ничего уже не могу.

Мне и самому было тошно. Каждый день одна и та же телевизионная программа. Нет, две. Первая – «Диалоги о рыбалке», вторая – «Научи меня готовить». Она продолжала:

– Всё это можно было бы вытерпеть. Все невзгоды необитаемого острова. Не зря говорят: «С любимым рай и в шалаше».

– Вот.

– Что вот?

– Здесь главное слово не «шалаш». Но кто сказал тебе, что ты меня любишь?

Ви отпрянула, явно разозлившись:

– А то, что я на эти дурацкие съёмки в эту глушь словно декабристка поехала – это не о чём не говорит? Из-за тебя поехала.

Новые слова на старую песню. Она то и дело выдаёт новости про меня. Мало того, что девушка слишком много знает о моей жизни, теперь оказывается, что она из-за меня здесь

очутилась. Не-е-ет, это всё дикая природа и скука так действует. И ничего больше.

– Значит, не любила, не любила, даже лаялась со мной – а теперь оказывается, что ты из-за меня в экспедицию попёрлась. Это ты сейчас подгоняешь желаемое под действительное. Захотелось тебе развлечься, вот и выдумываешь невесть что.

– Какой же ты всё-таки...

– Какой есть. Предположим, что это правда. Ты потащилась сюда из-за меня, так как была влюблена изначально. Почему тогда в лагере ко мне не приставала?

– Потому.

– Ну почему, почему?

– Во-первых унижение. Думаешь то, что я сейчас взяла на себя инициативу – это для меня норма? Стыдно. Во-вторых, ты сразу ещё в Шереметьеве повёл себя по-свински. Поэтому в лагере я тебя не любила. У меня есть гордость, чтоб ты знал, – всё сказанное она выплёскивала сквозь слёзы.

– Не любила, не любила – а сейчас раз, и полюбила. Ты и сейчас меня не любишь.

– Много ты знаешь.

– Это не любовь, это какой-то флюгер: то на север, то на юг. Захотела – полюбила, захотела – разлюбила.

– Ты говоришь так, как будто видишь меня насквозь. Но ты не знаешь ничего обо мне. И не хочешь знать. Ты не можешь понять, что я чувствую.

– Ой, девчонка, ты, девчонка. Подросток просто, тинэйджерка. Вбила себе в голову, что любишь, а теперь принимаешь это за истину.

– А если не вбила? Если так оно и есть?

– Вот откуда это всё? Говоришь, что любишь, но обзываешь меня самыми последними словами. Утверждаешь, что любишь, а сама ведёшь себя вызывающе, как последняя стерва.

Она неожиданно разозлилась:

– Урод. Пошёл вон!

– Можешь обзывать меня как хочешь и дальше. Мне по барабану. У нас не может быть отношений. Ты понимаешь, что для меня это предательство? Понимаешь или нет? Хотя кому я это говорю! Я люблю другую и меня интрижки не интересуют. Когда-нибудь ты полюбишь по-настоящему и поймёшь, о чём я сейчас тебе говорю. Полюбишь – поймёшь!

– Ты дурак? Или прикидываешься? Ты даже допустить не можешь, что я тебя люблю?

– Когда это ты меня успела полюбить?

– Я не знаю! Мне кажется ещё в прошлой жизни. Хотя нет, не так. Я тебя всегда любила.

– Опять юлишь. Это обычная женская хитрость. Для тебя это просто каприз. Ты привыкла в своей жизни, что все по-такают твоим капризам. Но я не игрушка. Меня нельзя сломать, починить и снова играть.

– Нет! – она буквально заорала вперемежку со взрыдом. –

Получается, что ты можешь полюбить, а больше на всём белом свете никто не может? Я страдаю, понимаешь? Я не могу без тебя?

– Ты сама говорила, что всё это устроила только назло своему бывшему. Назло! Теперь получается, что ты назло ему втюрилась. Но я считаю, что нельзя полюбить назло, вопреки или по специальному заданию. Ты просто себя уговариваешь, что это так. Но на самом деле ты не любишь. Тебе просто кажется, что это любовь. В лучшем случае – это влечение.

– По-твоему выходит, что есть критерии, по которым можно понять любовь это или нет?

– Да. Главный критерий истинной любви – это ты сам. Когда полюбишь, даже вопросы об этом не возникнут в твоей голове. Ты просто улетишь, пропадёшь, растаешь. Ты просто будешь любить человека и ежедневно, ежечасно, ежесекундно думать только о нём.

– Я о тебе только и думаю.

– Пусть так. Но проблема в том, что я думаю о другой. Как я могу ласкать тебя, а думать о другой? Это извращение. А я не хочу потом себя ненавидеть и считать извращенцем, вспоминая твои объятия.

– Офигеть! Лемешев, или я настолько не в твоём вкусе, или ты просто гнусный урод.

– Я человек, достойный в данном случае уважения. Вновь скажу: полюбишь – поймёшь. Или ты не хочешь, чтобы тебя

кто-нибудь так любил? Любил по-настоящему. Любил, отказываясь от сексуальной красавицы, с которой оказался наедине на необитаемом острове?

– Хочу. Но в данном случае ты всё равно не прав.

– В чём я не прав?

– Ты отталкиваешь меня, а твоя Жанночка ложится каждую ночь в кровать с другим. Ты ей верен, как последний обалдуй, а она плевала на тебя. Разве это любовь?

Так. Меня это уже достало. Опять она про Жанну. Про Жанну. Я буквально вцепился в Виолу:

– Говори, давай!

– Чего?

– Кто тебе рассказал про Жанну?

– Поцелуй, тогда скажу!

– А если я тебя ударю?

– Если ударишь, то никогда не услышишь ответа на свой вопрос.

Женщины, женщины! Чтобы вас понять, надо стать женщиной. Мужчинам понять вашу суть, вашу логику – не дано природой.

– Хорошо, чёрт с тобой! Не буду допытываться. Мне от твоей информации ни холодно, ни жарко. Ты успокоилась?

– Допустим. И что?

– Я хочу рассказать тебе одну жизненную историю, чтобы провести параллель с твоим поведением. Давай присядем. Дать тебе водички?

– Дай, – смиренно кивнула Ви.

Я принёс в баклажке воды и дал ей напиться.

– Извини, но ты можешь одеться?

– Тебя заклинило? Не хочешь – не смотри. Я что, солнце заслоняю?

Я улыбнулся:

– Нет, но есть опасность, что ты снова на меня набросишься.

– Больно надо унижаться. Ну вот почему ко мне липнут одни уроды, – не дождавшись моего ответа, она примирительно сказала: – Ладно, рассказывай свою притчу.

Она оделась. Так-то лучше.

Хотя это никакая не притча, но мне хотелось высказаться:

– Как говорил мой отец: «Все кошки делятся на два класса: вездесущие и калоссальные». Одни везде писают, а другие ещё и какают. Но в нашей семье как-кто появилась киска Ириска, которая была душессальной. Не в «душу», а в «душе». Как только забывали закрыть душевую кабинку, она сразу туда. Раз-два и готово: и то, и другое. Как только не отучали! Брызгали всякими привлекающими и отталкивающими жидкостями, били, гладили, тыкали носом. Ничего не помогало. Лотков накупили – в каждом углу по лотку, а то и по два. Ходи в лоток, не хочу. И песочек пробовали, и наполнители разные. И бумажки, и тряпочки стелили. Ни в какою. Хочу в кабинку – и всё! Закроешь ванную комнату – сядет возле двери и будет орать до последнего. Если пере-

терпишь её нытьё – нагадит рядом с лотком, но не в него. Не мытьём, так катаньем. Ещё вернее: не саньём, так каканьем, но Ириска добилась своего.

– К чему ты мне это рассказываешь? – пожала плечами Ви.

– Ириска – девочка. Вас, женщин, объединяет вечное желание – стоять на своём. Вот хочется вам и ради этого вы готовы на всё: даже рисковать своим здоровьем. Только: вынь да положь. Сдохну, но добьюсь своего. Но ради чего всё это? Ради чего? На все мои доводы тебе откровенно плевать. И ты называешь всё это любовью? Ты упёрлась. Тебе хочется добиться своего. Но в конечном итоге, тебе очень хочется, чтобы я низко пал и изменил сам себе.

– Как это – «сам себе»?

– Так. Не притворяйся душой. Ты поняла о чём я. Это не любовь! У тебя бзик, каприз, эгоизм. Тебе проще. Тебе некого и нечего терять. Так, почему бы не потрахаться? Хорошо же! А мне есть! Есть что терять. И в результате получится, что я сам себя изнутри дёгтем вымажу и буду до самых последних дней костить последними словами и ненавидеть. Да – ненавидеть. Но я этого не хочу. Не нужна мне интрижка. Да! – я уже орал во весь голос. – Ничего святого говорите нет? Есть только похоть и вседозволенность? Вот хрен вам!

Я сделал неприличный жест, ударив кулаком по локтевому суставу второй руки, и удалился.

После этого жаркого разговора мы опять разбежались в

разные стороны и старались друг друга в упор не видеть.

Эпизод сороковой

Аленький цветочек

Дни тянулись нудной однообразной цепью, мало чем отличаясь друг от друга. Каждый новый день – «день сурка» на «острове сурка». Прошло уже полтора месяца, как мы оказались в этом проклятом богом месте. Но в один прекрасный день, хотя я бы его так не назвал, монотонность нашего пребывания разрушилась навсегда.

Признаки надвигающихся событий стали проявляться незадолго до этого. Возвращаясь с рыбалки, я стал заставлять Виолу в прекрасном расположении духа. Можно даже сказать: выглядела она вполне счастливой. Это меня и напрягло. С загадочной улыбкой на лице девушка бросала в мою сторону ласковые, нежные взгляды. То ли совсем башка поехала, то ли это новый план, как меня захомутать. Вскоре я склонился ко второму. В один из дней она спросила:

– И что дальше?

– Будем продолжать ждать, как прежде.

– Я не об этом. Что значат все эти твои подарки?

Она прислонила к груди собранные в кучку кулачки и только теперь я увидел кувшинку, висящую на её шее. Так поступают девочки. Они каким-то чудесным образом рас-

щепляют стебель кувшинки на две полоски и получают бусы с ярким цветком на конце. Я удивился:

– Это что?

– Цветок.

– Откуда?

– Оттуда, откуда ты принёс и предыдущие букеты.

– Я?

– Ой, Лемешев, ты не умеешь врать.

– Зачем мне врать?

– Тогда не таскай мне больше свои поганые цветы.

Она психанула, сдёрнула с шеи бусы и швырнула мне в лицо. Больно не было. Но осталось недоумение: что всё это значит и где она сорвала кувшинку?

Прошло ещё несколько дней, странных дней. Время от времени я ловил на себе непонятные взгляды Ви. Она смотрела то с любовью, то с презрением, то просто с любопытством.

В тот день улов был небольшим, и я вернулся с рыбалки недовольным собой. Но разговор не об этом. Виола сидела на песке, слава богу в костюме, если его ещё можно было так называть, и уплетала за обе щёки арбуз. Вокруг неё валялись многочисленные корки, но рядом на песке призывно сияла яркой краснотой нетронутая половина этой гигантской ягоды. Тут же лежал большой кухонный нож. Сказать, что я удивился – значит ничего не сказать:

– Ты где это всё раздобыла?

– Ладно прикидываться. Сам мне это расскажи.

– Я?

– А то, кто? Здесь ещё кто-то есть?

Я не удержался, отрезал большой кусман и впился в него зубами: у-у-у...

– Супер! Так, где ты его взяла?

– Я его взяла там, где ты его оставил – возле палатки.

– Я ничего не оставлял.

– Лемешев, хватит мне лапшу на уши вешать.

Я прекратил упиваться арбузом. Что-то здесь не так.

– Погоди, говоришь, арбуз лежал возле шалаша? А ты где была?

– Я спала. Не так давно проснулась.

– И арбуз уже лежал?

– Да. Лемешев, хватит прикалываться, не смешно.

– Не смешно.

Мне и на самом деле было не смешно. Девушка явно не врёт. Да и где бы она взяла арбуз и нож? А я? Тоже нигде. Выходит, что на острове есть ещё кто-то. Есть тот, кто давно следит за нами. Это его шорох я слышал в тростнике. Это его взгляд я чувствовал на своей спине. И это вовсе не кабан. Это человек.

– Фе, чего ты молчишь? Ты меня пугаешь.

– Да шучу, шучу. Арбуз с ножом я выловил в море, – объяснение не самое реальное, но оно вполне прокатило за факт. – Вот и решил подшутить над тобой.

К чему пугать девушку? Надо сначала самому выяснить, кто это так шутит.

– Дурак. Я испугалась.

– Чего?

– Ничего, проехали. Вот ведь ребёнок! Пошутил он.

Я решил непременно поймать этого шутника. Прямо призрак какой-то! Как он мне до сих пор не встретился? Впрочем, я хожу исключительно по берегу. Только один раз зашёл вглубь острова. Но там никого не было, кроме скелета в кресле. Жуть, конечно, но не скелет же подбросил арбуз. А если? Да пошёл ты! Так и с катушек слететь недолго. Вот тварь, лежит в кустах и подсматривает за нами. Урод, какой-нибудь.

Ночью я спал плохо и прислушивался к каждому шороху. Нет, ну ё-моё! И так мозги заворачиваются, а тут ещё этот призрак. Проклятый остров! Почему так получается? Ни одна вшивая лодочка или даже захудалый плотик не пристаёт к этому берегу. Зато какой-то урод здесь обитает. Офигеть! Это нам для полного комплекта «счастья». Мало мы страдали! А может потому сюда никто и не причаливает? Местные знают, что это место проклято, поэтому боятся его. Ну, почему? Почему я приземлился именно здесь? Почему не дотянул до континента? Давно бы уже кушал мамкин борщ.

Незадолго до восхода солнца, я проверил пистолет, снял его с предохранителя и двинулся к центру острова. Ступал осторожно, чтобы никого не спугнуть, а самому всё слышать. В тростнике обнаружилось несколько троп. Вернее, я и рань-

ше на них натоптался, но до сего дня считал, что их натоптали кабаны. Теперь же при внимательном рассмотрении я пришёл к выводу, что здесь ходил человек. Кое-где можно было различить отпечатки его ступни. Дьявольщина какая-то.

Тропы были натоптаны на первый взгляд хаотично. Я решил идти по первой попавшейся. И она привела меня опять к тем самым домам, к которым я зарекался не ходить.

Теперь заброшенные здания выглядели ещё зловещей. Казалось, за каждым окном прячется некто или нечто и наблюдает за каждым моим шагом. Я не стал заходить в дома, которые посетил в прошлый раз. В первом и тогда было видно, что его никто давно не посещал, а во второй пусть ходят друзья скелета, но только не я. Кроме упомянутых выше, здесь было ещё семь зданий. Два в точности повторяли архитектуру первого двухэтажного строения. Остальные дома были одноэтажными. С какого начать? Для меня это был не праздный вопрос. Не хотелось повторять опыт первого посещения и напороться на очередную дьявольщину, от одного вида которой кровь в жилах леденела не образно, а вполне реально. Взяв в руки пистолет, я осторожно обошёл вокруг всех зданий, пытаясь обнаружить хоть какие-то следы призрака. По периметру шести домов земля была девственной, трава нетронутой. Но у седьмого здания, стоявшего посередине посёлка, пол на крыльце был вышаркан, как мне показалось, гораздо больше, чем у остальных. Это было большое, длинное одноэтажное строение. Я присел на корточки и вни-

мательно осмотрел половицы крыльца. Здесь явно просматривался песок, занесённый сюда не ветром, а ногами. С середины крыльца ветер уж точно бы сдул грязь на периферию. Мысленно перекрестившись и выдохнув воздух, я изобразил полицейского из крутого боевика – держа пистолет двумя руками, толкнул плечом дверь и тут же юркнул внутрь, обведя стволом периметр видимого мне помещения. Пусто. Ни одной живой души. В этой части здания располагался гардероб. Ряды обычных для школ и поликлиник металлических вешалок говорили о том, что когда-то сюда приходили толпы людей. На двух узких дверях висели знакомые всем буквенные обозначения: «М» и «Ж». Я не стал их открывать. Вряд ли таинственный обитатель острова прячется в туалете. Хотя, возможно, я не захотел ломиться в эти двери, так как боялся обнаружить очередной скелет, навечно заснувший на унитазах. Врать не буду – такая мысль мелькнула в голове. Поэтому, не заглядывая в туалеты, я сразу подошёл к закрытым створкам двойных дверей. Было ясно, что люди, раздевшись в гардеробе, далее следовали сюда. Двери были советского образца: низ деревянный, верх остеклённый. Но остеклённая часть была закрыта плотными льняными занавесками. Они висели с обратной стороны двери, поэтому я не мог их раздёрнуть. Жаль, очень хотелось для начала заглянуть в неизведанное. Что там меня ждёт? Призрак или скелет? За отсутствием возможности увидеть пришлось аккуратно приложить ухо к дверям и прислушаться. Сердце за-

билось раза в три быстрее обычного. Было слышно, как кто-то звенит ложками, стаканами и тарелками. Всё как в многолюдной столовой. Дьявол, чертовщина какая-то. Что делать? Я боялся что-либо предпринять и стал машинально пятиться к выходу из дома. Неожиданно за моей спиной хлопнула дверь. Можно предположить, что такой же эффект производит выстрел пушки, которую тихонько и незаметно подкатили к человеку с завязанными глазами. Не скажу, что до посещения этого посёлка я считал себя человеком робкого десятка, но сейчас я испугался. Испугался по полной программе. И точно бы пустился наутёк. Но куда? Впереди за дверью, как мне казалось, жрут свою кровавую пищу вурдалаки. Сзади, кто-то хлопнул дверью и наверняка ждёт меня снаружи. Западня. Полная задница. Оставался только один вариант – спрятаться в туалете. Но прятаться в помещении размером с гроб совсем глупо. Из него только один выход, если не считать дырку в унитазе. Поэтому я постарался успокоиться и перевёл дух. За это короткое время ничего не изменилось. Никто не выпрыгнул из-за угла и не ворвался в комнату через дверь или окно. Ни один вампир с окровавленной пастью не попытался меня укусить. Но кто-то же там жрёт? Кто-то же хлопнул дверью? Призрак? Я попал в посёлок привидений? Постой, а закрылась ли она за тобой, когда ты вошёл? Этого я не помнил. Поэтому с замиранием сердца подошёл к входной двери и приоткрыл её. Никого не видно. Я высунул голову наружу и снова огляделся. Никого. Фу-у-у! Тишина.

Возможно, она сама хлопнула. Я решил эмпирическим путём проверить свою догадку. Так, вот я вошёл в помещение и отпустил дверь. Оба-на! Она не закрылась до конца, зависнув на середине. Вероятно, её захлопнул порыв ветра. Как он это сделал? Вот так. Я чуть тронул дверь, и она тут же с грохотом захлопнулась. Понятно, проржавевшие от времени шпингалеты заедают и не дают двери плавно закрываться. Я вышел на крыльцо. Что делать? Идти проверять столовую? Этого делать мне очень не хотелось. Может быть, завтра? А что изменится? Мертвяки сегодня поедят, а завтра у них разгрузочный день? Блин. Надо же было появиться этому арбузу. Свинство. Нет, не свинство – кабанство. Лучше бы эти тропы натоптали кабаны. А теперь гоняйся за непонятным неведомым фантомом. Ну нет, скотина, меня звоном ложек не испугаешь! Столовую я проверю сегодня, а остальные дома – завтра. Сил и здоровья на обход всех строений сегодня точно не хватит. Особенно если там меня ждут всякие жуткости и колдовство. Я заставил себя решительно распахнуть дверь и громко прошагать мимо гардероба до дверей столовой. Но рука, ухватившись за ручку, отказывалась слушаться. Давай, Лемешев, не дрейфь! Трём смертям не бывать! У-а-а!!! Я с шумом распахнул дверь и готов был выстрелить в первого, кто на меня набросится. Но в столовой было пусто. Как и положено, там стояли столики на четыре персоны. Сверху они были покрыты дешёвым пластиком. На столиках громоздились перевернутые стулья на металлических нож-

ках. Куда все подевались? Даже стулья за собой составили, чтобы уборщице проще мыть пол. Стоп! Тихо! Звон ложек не прекратился. Даже наоборот, он стал громче. Я пошёл по направлению источника шума. Точно, ложками звенели не в столовой. Ими брэнчали на кухне. Очень хотелось постучать в окошко раздачи и спросить: «Компот есть?» Интересно, скелет поварихи засмеётся в ответ? Или все эти скелеты, мертвяки и зомби юмора не понимают? Я вновь остановился – теперь уже перед дверью кухни. За ней был полный шабаш. Только что дикий хохот не доносился. Была бы граната – я бы точно её туда бросил. Бумц! И кости разлетелись во все стороны. Ха! Из клубов дыма я ловко запрыгиваю в центр комнаты. Все сдохли? Нет? На полу лежит скелет с оторванными ногами и тянет свою костлявую лапу к длинному поварскому ножу. Зарезать меня хочешь? На! Мой меткий выстрел разметал его кисть на кусочки. Лежи спокойно и беспомощно клацай зубами. На вашу беду на остров высадился Фёдор Лемешев! Величайший охотник на ходячих мертвецов, зомби и вурдалаков... Да, жаль, что нет гранаты. С гранатой было бы веселей. Придётся без неё и без напарника врываться в это опасное логово. А в пистолете осталось всего три патрона. Три патрона на целую толпу... Дерьмово... А-а-а! Я мощно ударил ногой в дверь, но она не распахнулась. Эпическая ошибка Шурика, когда он пришёл к главврачу требовать прокурора, повторилась в реальности. Да, влип очкарик! Дверь открывалась в другую сторону. Но удар

ногой произвёл невообразимый грохот, разлетевшийся эхом по всем помещениям. Поэтому я напрягся и сжал в руках пистолет, готовый к встрече выбегающих из кухни скелетов и полусгнивших мертвецов. Но никто не торопился покинуть самое теплое место любого общепита. Пришлось распахнуть дверь на себя и ворваться в помещение кухни. Опять никого. Кто же звенел посудой? А-а-а, вот оно что. Ларчик открывался просто. Кто-то распахнул форточки на окнах, расположенных напротив друг к другу. И теперь по просторному помещению кухни гулял ветер. Именно сквозняк раскачивал половники, сковороды и прочую утварь, висевшую над плитой. Всё это сталкивалось между собой и издавало звуки, похожие на клацанье ложек о тарелки. Фу-у-у, ладно хоть так. Я подошёл к окну, чтобы закрыть форточку, но тут же отпрянул. Да чёрт тебя дери! Привидение! Вот оно! В стекле я увидел жуткую, заросшую волосами морду. Блин, придурок. Это же твое собственное отражение. Грязные, пыльные, сильно затянутые тенётами и паутиной окна, заставили меня испугаться собственного давно небритого лица. Я пригладил космы, усы и бороду. Бритвы нет, зеркала тоже. В воде во время рыбалки своё отражение я не рассматривал. Зачем? Да, Лемешев, выглядишь ты не ахти как. Тобой теперь только детишек пугать. Я вновь попытался рассмотреть своё отражение на замутнённом грязью стекле. Ну и рожа у тебя, Шарапов. А это что за бугор вылез на моём лбу? И нос странный какой-то. Неужели передраги и невзгоды так ме-

няют лицо? Где тот красавчик, от которого пищали все девки в округе? Стоп, это не я. И лоб, и нос, и рот – тоже не мои. Кто-то страшный смотрит на меня с другой стороны стекла. Очень страшный. Это не человек! От такой метаморфозы оконного отражения всё поплыло перед глазами. Сейчас я упаду или свихнусь умом. Прочь от меня видение, прочь! Я с размаху долбанул в мерзкую рожу кулаком. Отражение разлетелось на осколки, а из искромсанного стёклами кулака хлынула кровь. Но через дыру в стекле я успел заметить, как затрепыхались соседние кусты, в которых мелькнул силуэт этого страшилища. Квазимодо, какой-то. Нет, скорее, Франкенштейн. А возможно – это вообще не земное существо. Жуть! Хозяйская жилка дала о себе знать. Несмотря на боль и обильно стекающую на пол кровь, я прихватил на кухне большую алюминиевую кастрюлю, половник, ложки и кружки. Не забыл взять и здоровенный кухонный нож. После этого я быстро ретировался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.